

*Д.Г. Кукеев**

Об особенностях интерпретации в идентификации исторических персонажей в истории ойратов XV в. по монгольским и китайским источникам в современной историографии¹

АННОТАЦИЯ: Этот тезис посвящён особенностям интерпретации в идентификации исторических личностей в зарубежной историографии в один из запутанных периодов истории ойратов. Автор, используя компаративный анализ трудов современной историографии, показывает возможность разрешения некоторых дискуссионных проблем в один из судьбоносных периодов истории ойратов XV в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ойраты; *Мин ши*; *Мин шилу*; Менкэ-Тимур; Гуйличи; Угэчи-хашига

По ойратской² истории периода средневековья написано много работ, авторы которых исследуют различные ее аспекты. Самые многочисленные сведения по истории средневековых ойратов предоставля-

* Кукеев Дорджи Геннадьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Россия. E-mail: kukeevd@list.ru

© Кукеев Д.Г., 2015

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014) по теме «Материалы о средневековых ойратах в главах 327 и 328 текста официальной династийной хроники династии Мин „Мин ши“».

² Ойраты, монголоязычный народ, являются выходцами из Центральной Азии и предками одного из народов России — калмыков. Помимо этого, потомки ойратов представлены также и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, Автономном Районе Внутренней Монголии КНР, пров. Цинхай, а также в западной части Монголии.

ют китайские источники *Мин ши* 明史³ и *Мин шилу* 明实录⁴, заметно повлиявшие на дальнейшее развитие изучения истории ойратов, и в то же время сделавшие открытыми немало сложных вопросов, которые требуют разрешения. Эти проблемы коренятся в своеобразии китайских источников, которые ввиду специфических особенностей языка ставят исследователя перед насущной необходимостью отождествления китайской транскрипции с монгольскими именами собственными, географическими названиями и т.д. В этой связи важность изучения и введения в научный оборот китайских источников требует привлечения монгольских и ойратских текстов.

³ *Мин ши* 明史 — официальная династийная хроника династии Мин, которая была создана между 1645 и 1739 г. *Мин ши* была начата по императорскому указу от 1723 г. комиссией под председательством Чжан Тин-юя 张廷玉 (1672–1755) и была представлена императору Цяньлуну 乾隆 в законченном виде в 1739 г. *Мин ши* содержит специальную главу, где описываются ойраты (именуемые *вала* 瓦剌) и их взаимоотношения с минским двором. Отметим, что, несмотря на то, что этот источник писался уже совсем в другую эпоху, при династии Цин 清, однако полнота и концентрированная подача фактического материала, который нас интересует при исследовании истории ойратов, делают *Мин ши* незаменимым источником для изучения данной темы.

⁴ *Мин шилу* — т.н. «Правдивые записи» о правлении минских императоров. Ценность *Мин шилу* как исторического источника состоит в том, что этот текст создавался на основе ежедневных записей придворных летописцев о всех событиях политической и придворной жизни, и что в него были включены почти все решения двора, императорские указы, а также многие доклады, поступавшие от различных сановников и с мест на имя императора. Материалы, которые можно почерпнуть из этого источника, чрезвычайно разнообразны, однако весь этот список самых разнородных по характеру данных размещён лишь по хронологическому принципу. Никакой другой системной группировки фактов в *Мин шилу* нет, поэтому при использовании данного источника исследователя ждут немалые трудности. К другим слабым сторонам, специалисты относят, во-первых то, что в нём преимущественно отображена официальная точка зрения, при отборе включаемого материала учитывалась существовавшая политическая ситуация. Однако этот недостаток присущ и всем прочим китайским «официальным» источникам, составлявшимся историками, находившимися на государственной службе. *Мин шилу* даже в меньшей степени, чем все другие официальные источники, подвержен этому недостатку, ибо предполагалось, что труд будет доступен лишь ограниченной части политических деятелей высшего круга. Во-вторых, предпочтение при изложении отдаётся самому факту. Побудительные мотивы, объясняющие данный факт, либо вообще отсутствуют, либо приводятся весьма кратко или же в нужном для двора свете [2, с. 6; 12, с. 61].

В данном случае, нами рассматриваются те сведения из китайского источника *Мин ши* 明史 (цз. 328), в которых фигурирует некий персонаж по имени Менкэ-Тимур 猛哥貼木兒, который связан с первыми упоминаниями об ойратах в послеюаньскую эпоху, и как он находит своё отражение в современной историографии. Кроме упоминаний части текста в *Мин ши* о том, что «Вала 瓦剌 [т.е. ойраты] — монгольское племя⁵ и находятся к западу от даданьцев⁶ 鞑靼 [т.е. восточных монголов]. После падения династии Юань юаньский сильный сановник Менкэ-Тимур 猛哥貼木兒 завладел ими. После его смерти народ разделился на три части: их вождей звали — Ма-ха-му 馬哈木 [Махмуд]⁷, второй — Тай-пин 太平, третий — Бату-бо-ло 把秃孛羅 [Бату-болот]» [10; 5, с. 24–31], сведения о нём ограничиваются этим. Однако, несмотря на малую информативность описания, хочется показать, каким образом разрешается вопрос с идентификацией этой исторической личности, несмотря на то, что в дальнейшем о Менкэ-Тимуре нет упоминания ни в *Мин ши*, ни в монгольских источниках. На наш взгляд, этот вопрос разрешается

⁵ На территории Монголии в XV–XVI вв., после падения монгольской династии Юань в Китае, существовали две родственные монголоязычные народности. Ими были собственно монголы, также именуемые восточными монголами, и ойраты, или западные монголы. Несмотря на многие сходные черты (языковая близость, общность традиционной культуры и религии), они осознавали себя различными этносами [8, с. 3].

⁶ «Дадань» или татар — общее название восточных монголов в минский период. Кроме того, этноним «татар» по-китайски транскрибировался ещё как «да-да» и «та-тань». Примечательно, что и некоторые современные китайские историки, следуя этой давней китайской традиции, именовали монголов «дадань» («татары»), что нашло отражение даже в русском переводе их книги [4, с. 414–418].

⁷ Махмуд (кит. Ма-ха-му) — первый ойратский правитель, который установил отношения с минским двором. В отличие от его сына Тогона и внука Эсэна, о нём содержится мало сведений в китайских и монгольских источниках. Судя по родословным знатных ойратских родов, приведённым в монголоязычном, но цинском источнике *Илэтхэл шастир*, он принадлежал к аристократическому роду Цорос, из которого вышли все правители позднейших ойратских этнополитических объединений джунгаров и дэрбэтов [7, с. 11–18]. Примечателен тот факт, что имя этого правителя явно мусульманского происхождения. Мусульманские имена у ойратов появляются в XV веке, что объясняется, вероятно, их близостью к мусульманским областям государства Чагатаидов в Средней Азии и Восточном Туркестане и существовавшими у них в то время торговыми и дипломатическими отношениями с мусульманским миром [13, с. XX].

предположением, что эта личность была зафиксирована монгольскими летописцами, но под другим именем, о чём становится известно из работ Г.Е. Грум-Гржимайло и Г. Ховорса, где личность Менкэ-Тимура из *Мин ши* отождествляется с кергутским Угэчи-хашигой из монгольских источников [3, с. 576; 14, с. 352].

К тому же, в трудах японского монголоведа Вада Сэй 和田清 (по-китайски его именуют Хэ Тяньцин) [15; 11] и некоторых монголоведов КНР, Менкэ-Тимур и Угэчи-хашиг отождествляется ещё с Гуйличи 鬼力赤 из китайских *Мин ши* и *Мин шилу* [9, с. 67–68]. Что выглядит ещё более интересным, сходная версия была высказана незнакомым с трудами специалистов КНР и Японии отечественным историком К.И. Петровым, считавшим, что Гуйличи — это Угэчи-хашиг, однако по субэтнической принадлежности, видевшим в этом персонаже представителя енисейских киргизов [6, с. 28], полагая, что «кергуты» по-монгольски означает «киргизы». Обратившись непосредственно к монгольским источникам, выясняется, что, действительно, монгольская летопись Саган-Сэцэна «Эрдэнийн-тобчи» в составе «четырёх ойратов» перечисляет следующие племена: угэлэт (өөлд), багатут, хойт и кэргут, но в отличие от К.И. Петрова, под кергутами Г. Ховорс [14, с. 352] и Г.Е. Грум-Гржимайло [3, с. 576] понимали керейтов, при этом, как отмечалось выше, отождествляя кергутского Угэчи-хашигу из монгольских источников с Менкэ-Тимуром из китайского источника. В этой связи интересно отметить, что современные калмыковеды Г.О. Авляев и В.П. Санчилов под предками торгутов подразумевают керейтов [1, с. 41–58]. Но если Менкэ-тимур — это Угэчи-хашиг, то каковы доказательства того, что Угэчи — это Гуйличи? Для этого необходимо провести сравнительный анализ исследований вышеописанных специалистов, и показать сходные моменты, которые дополняя друг друга вносят более определённые черты при отождествлении исследуемого персонажа из разноязычных источников. Например, Ду Жункунь 杜荣坤 пишет, что Угэчи-хашига — это прозвище, а не имя собственное. Как часто бывает в монгольских источниках, подлинное имя и прозвище применяются поочередно [9, с. 67–68].

Другими учеными, искавшими и предлагавшими свои доказательства того, что Гуйличи — это Угэчи-хашига, были Вада Сэй 和田青, Ду Жункунь 杜荣坤, К.И. Петров. Вкратце эти доказательства выглядят следующим образом. Монгольские источники «Шара туджи», «Эрдэнийн тобчи» и «Алтан тобчи» лаконично описывая причины раскола между монголами и ойратами начала XV в., сводят их к конфликту, возникшему из-за невестки Ульзэту-Гуа, жены сына Эльбекхана по имени Харгудук. Якобы, по наводке ойратского Хухая,

монгольский Эльбек-хан влюбляется в невестку и убивает своего сына Харгуцука, чтобы взять ту в жены. В свою очередь, Ульзэту-Гуа, жаждущая мести к ойрату Хухай-тафу, интригует, в результате чего, Хухай умерщвляется Эльбек-ханом. С течением времени, хан осознаёт, что зря убил Хухая, и чувствуя вину, передаёт правление сыновьям Хухая Батуле и Угэчи-хашиге над 40 тысячами ойратов.

Нами подчёркивается, что эти сведения в монгольском тексте не следует понимать дословно, поскольку действительной причиной раскола была не женщина, а ханский престол, который Харгуцук хотел отнять у своего отца Эльбека, а поскольку за их спинами стояли две враждующие между собой ойратские группировки — то и власть над ойратами, за которую боролись ойрат-цорос Хухай (приближённый советник Эльбек-хана) и ойрат-кереит Угэчи-хашига (стоявший на стороне Харгуцука). Так как цоросский Хухай-тафу хотел завладеть ойратами с помощью восточно-монгольского Эльбек-хана, то поддержка Угэчи-хашиги Харгуцуку и противопоставление его Эльбек-хану были в то же время и борьбой Угэчи-хашиги против Хухай-тафу. Впоследствии, Угэчи-хашига возмущённый тем, что ойратами управляет не он, убивает Эльбек-хана. Разница во времени между узурпацией престола Гуйличи в китайском источнике *Мин ши* и убийством Эльбек-хана Угэчи-хашигой в монгольских источниках невелика, и это говорит в пользу того, что два этих персонажа — один человек. Другим доказательством может служить и попытка локализации мест кочевания Гуйличи и Угэчи-хашиги, которая даёт основание предполагать, что эти два персонажа имели примерно один и тот же регион пребывания — это земли к северо-западу от провинции Ганьсу, которая являлась границей Минской империи с монгольской степью, где неподалёку от них кочевали ойраты. В пользу того, что Гуйличи 鬼力赤 — это Угэчи-хашига говорит и вражда Гуйличи 鬼力赤 с Махаму 馬哈木 [Махмудом] в китайских источниках, которую можно отождествить с войной Угэчи-хашиги и Батулы в монгольских источниках.

Таким образом, особенности интерпретации в современной историографии при идентификации вышеупомянутых ойратских персонажей сводятся к тому, что та версия, по которой Менкэ-Тимур, Гуйличи и Угэчи-хашиг являются одной исторической личностью, которая фигурирует в разноязычных источниках под разными именами выглядит наиболее убедительной. Исследовательская деятельность по их отождествлению была положена японским монголоведением в 30-х гг. XX в., дальнейшее развитие получило у монголоведов КНР, при этом, будучи не знакомым с результатами японских и китайских исследователей высказывалось интересное мнение и советского учёного К.И. Петрова.

Литература

1. *Авляев Г.О., Санчилов В.П.* К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 43–58.
2. *Бокциани А.А.* Императорский Китай в начале XV века. М., 1976.
3. *Грум-Гржмайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л.: Изд-во РГО, 1926.
4. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. Под ред. *Шан Юэ*. М., 1959. Изд. 2-е, перераб. и. доп. М., 1967.
5. *Кукеев Д.Г.* Комментированный перевод 328 цзюани *Мин ши* — «Ойрать» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2008, № 2. С. 24–31.
6. *Петров К.И.* Очерки феодальных отношений у киргизов XV–XVIII вв. Фрунзе, 1961.
7. *Санчилов В.П.* Этнический состав ойратов XV–XVIII вв. по данным «Илэтхэл шастир» // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 11–18.
8. *Санчилов В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.
9. *Ду Жункунь, Бай Цуйцин.* 杜荣坤, 白翠琴. Си мэngu ши яньцзю. 西蒙古史研究 (Исследования по истории западных монголов). Гуйлинь, 2007.
10. *Мин ши 明史* (История династии Мин) / Сер. Сы-бу-бэй-яо. Шанхай, 1936.
11. *Хэ Тяньцин* 和田清. Миндай мэngu ши луныцзи 明代蒙古史论集 (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин, 1984.
12. *Franke W.* The Veritable Records of the Ming Dynasty (1368–1644) // *Historians of China and Japan.* London, 1962. P. 60–77.
13. *Hambis, L.* Documents sur l'histoire des Mongols a l'epoque des Ming. Paris, 1969.
14. *Howorth H.* History of the Mongols. P. I–III. L., 1876–1888; N.–Y.: Burt Franklin, [N.D.].
15. *Wada Sei.* Studies on the History of the Far East (Mongolia) by Dr. Wada Sei. Tokyo, 1959.

D. Kukeev*

On specifics of interpretation while identifying the Oirats' historical characters in the XV century history of Oirats using Mongolian and Chinese sources in the modern historiography

ABSTRACT

This paper focuses on identification of the Oirats' historical characters in one of the complicated periods in the history of Oirats (XV century). The author uses comparative analysis of modern historiography works to

show the possibility of resolving some controversial issues connected with identification of some historical Oirat characters.

KEYWORDS

Oirats; *Ming shi*; *Ming shilu*; Menke-Timur; Guilichi; Wugechi-Hashiga

* Kukeev Dordzhi, Cand. of History, researcher of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia. E-mail: kukeevd@list.ru